

Ирина Корчагина
Королева переходного периода

Повесть

Ирина Корчагина

**Королева переходного
периода. Повесть**

«Издательские решения»

Корчагина И.

Королева переходного периода. Повесть / И. Корчагина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900246-4

Это книга о событиях 90-х. Кто-то называет их бандитскими, кто-то кровавыми, кто-то — нищими. Автор добавляет новую краску о 90-х. Это книга будет интересна и тем, кто жил в тот период, и тем, кто интересуется нашей совсем недавней историей. Эта книга об исканиях активной женщины того периода и, конечно, о любви.

ISBN 978-5-44-900246-4

© Корчагина И.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1. Первый советский фуршет	7
Глава 2. Грустные глаза Богоматери	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Королева переходного периода Повесть

Ирина Корчагина

© Ирина Корчагина, 2017

ISBN 978-5-4490-0246-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эта повесть была написана в 1997 году, про замечательную деловую женщину Веру Балакиреву. Сейчас я решила ее обновить, потому что все чаще и чаще люди вспоминают 90-е, иногда их приукрашивают или очерняют. Мне захотелось показать девяностые без бандитских разборок, без надрыва и экстрима – жизнь, такой, какой она была для многих людей в тот период.

Каково предназначение современной женщины? Сегодня все мы сталкиваемся с неизбежным выбором: замкнуться в круге семейных обязанностей, посвятить себя мужу и детям, или попробовать себя на новом поприще. Например, политическом. Но чем бы ни занималась женщина, всегда ее жизни большее значение имеет Любовь.

Глава 1. Первый советский фуршет

Стояла осень 1989 года. Веселый дух перестройки летал над пустыми прилавками магазинов.

Больше всех ликовали журналисты. Свобода! Они задавали любые вопросы и говорили на любые темы. С еще не окрепшей храбростью они спрашивали на улице прохожих – одного, другого третьего. «Что вам дала перестройка?» И граждане с немислимой прежде смелостью прямо в объектив телекамер выплескивали: «Перестройка мне ничего не дала». «Серьезных перемен не вижу». И без оглядки, без утайки! Смело можно было сказать, что перестройка не дала ничего. Граждане пьянели от непривычной смелости.

Газета «Известия» 9 октября 1989 года писала.

«...Сама возможность не на кухне, а с телеэкрана критически оценивать результаты официальной политики уже есть знак перемен, об этом теперь словно бы забывают – кстати, вот и еще одно обретение перестройки: гласность входит в привычку.»

Повсеместно, в газетах, с телеэкранов начали говорить правду, и появлялись такие, горечью отдающие строки:

«Митинг проходил бурно. Это и понятно: недовольство ростом цен, инфляцией, постоянным дефицитом растет, а проводимые реформы не сказались пока на улучшении качества жизни. Но кто же виноват в этом и что делать? Вечные наши вопросы...»

Еще не отменили КПСС, не исчезло Политбюро, еще не перестали отмечать праздник Великой Октябрьской Социалистической революции.

Никогда прежде Вере не доводилось бывать в отеле «Октябрьский», в последствие переродившийся в Президент-отель. В застойные времена это монолитное здание из красного кирпича отворяло свои засовы только для избранных гостей ЦК КПСС. Теперь, в перестройку, завеса таинственности вокруг этого здания спала. И Вера попала в святая святых.

Ее поразила роскошь, столь неожиданная для политической структуры, пропагандирующей строгость и аскезу. Полы были устланы мягкими коврами с таким длинным ворсом, что в нем терялись мыски туфель. Множество лампочек высвечивало массивные люстры и отражалось в хрустальных подвесках. Вера прошлась по огромному фойе, заглянула в один из залов – его стены были обтянуты играющим шелком, и точно такой же тканью были обтянуты кресла и диваны. Кругом сверкали зеркала в массивных золоченых рамах. Солидно, со вкусом и имперски роскошно. В такой обстановке хотелось грациозно распрямить плечи. Сама собой менялась походка: ритмичный ускоренный шаг становился неторопливым и плавным, а громкая речь – по-музейному сдержанной. Все располагало к личному удобству и комфорту.

По всему было видно, что подобное чувство возникало не только у нее. В миг все вокруг стали подтянутыми, величавыми, передвигались степенно и говорили не торопясь.

Вместе с другими приглашенными Вера вошла в концертный зал. Заняла восемнадцатое место, обозначенное в билете. Цифра показалась ей весьма символической, означающей начало самостоятельной жизни, и это ее приободрило.

Она с неохотой отправлялась на это мероприятие, посвященное Октябрьской революции. Слишком много работы! Приглашение она восприняла как досадную шутку. В самом деле, как можно сидеть и спокойно слушать какой-то концерт, когда завтра с раннего утра встреча с поставщиками, и надо продумать, как с ними договариваться, чтобы сделка не сорвалась. Денег нет, за контракт платить нечем, надо договориться так, чтобы отложить платеж, потому что комплектующие были нужны сегодня, нужны как воздух.

Приглашение на вечер ей передал Вячеслав Георгиевич Зельдин, племянник известного артиста и банный приятель второго секретаря Краснопресненского райкома партии. Билеты на подобные мероприятия распространялись только через райкомы. По блату. Самое популярное словечко советского застоя! В недалеком прошлом Вячеслав Георгиевич был ее начальником, а теперь стал представителем учредителя хозрасчетного предприятия, которым и руководила Вера. Вручая билет, он сказал с улыбкой:

– Ты у нас передовик производства. Иди, наслаждайся. Там будут такие же, перспективные, как ты.

Вере его ирония показалась оскорбительной, хотя, по сути, он не погрешил против истины. Она не была передовиком в советском смысле слова, то есть она не стояла у станка, не делала четыре плавки за смену, в восемь раз перевыполняя план. Но совсем недавно она подала заявление о вступление в КПСС, она одна из первых вступила на сложную дорожку развития частной инициативы. Вот уже второй год созданное Верой хозрасчетное предприятие исправно работало. Чем не передовик! Но как тяжело все это давалось. Ох, недаром говорят, что инициатива наказуема. Сколько раз она в этом убеждалась! Но ни за что, ни за какие коврижки, она не согласилась бы отдать свою инициативу. Ей все очень нравилось! Пусть тяжело, но как же интересно. Она была как раз из тех, кому перестройка дала очень много. Не в финансовом смысле. Нет! Но перестройка дала ей гораздо больше, чем просто деньги. Перестройка дала ей возможность раскрыть себя. А тяжело? Что же, по-другому не бывает. *Per aspera – ad astra*. Сквозь тернии – к звездам.

Год назад она еле уломала своего начальника, Вячеслава Георгиевича, чтобы выделить технологическую линию из цеха видеозаписи и создать самостоятельное видеопроизводство для обслуживания населения. Начальник поначалу и слушать ее не хотел. Отмахивался с первых слов. Ну что она скажет! Милая барышня, вот как он ее воспринимал. Но когда она, наконец, заставила его вникнуть в ее слова, он моментально уловил, что дело во всех отношениях выгодное, и дал добро.

Уже через несколько месяцев предприятие стало давать прибыль. Но эта прибыль не могла сравниться с теми душевными затратами, которые Вера вкладывала в работу. Дело было новое. Каждый день – неизвестность. Наверное, подобное испытывают космонавты, отправляющиеся в космос. А как там? А что будет? А кто нагрянет с проверкой? А какой еще новый придумают закон? Да и вообще, какие законы! Их попросту не было.

Официальная часть была короткой. Надо же! Это тоже новшество перестройки. Никаких длинных речей. Никаких аплодисментов, переходящих в получасовую овацию. Короткие поздравления, яркие и без бумажек. Это тоже непривычно! Все говорили от себя, волнуясь и сбиваясь. Но это только создавало непринужденную деловую атмосферу. А потом стал выступать набирающий популярность писатель-сатирик Михаил Задорнов. Как смело он говорил! Какие неожиданные стороны жизни подмечал! Все про нас, все в точку. И очень смешно. Вера хохотала так, что иной раз даже неловко за себя становилось. Она же на официальном мероприятии, а не на дружеской вечеринке. Но все вокруг тоже хохотали, чуть не падая с мягких кресел.

После концерта все перешли в банкетный зал, и Вера оказалась на фуршете. Впервые. Впервые она лицезрела, как все эти именитые люди, почетные граждане телеэкранов: политики, артисты, тележурналисты – ели. Да что там ели! Они набрасывались на еду так, словно прикатили из голодного края. Они выхватывали друг у друга копчености, горками накладывали в тарелки закуску – неужели они все это съедят? О, они не только ели, они еще и пили, торопливо наливая в бокалы напитки. Едоки словно опасались, а вдруг все кончится? А вдруг это мираж, и сейчас все это богатство деликатесов вмиг исчезнет и превратится в пустые прилавки? В пустые прилавки, какими были прилавки магазинов? Но обилие не исчезало. Столы ломились от закусок и вин, армейским строем красовалось шампанское Абрау-Дюрсо. Мас-

сивно восседали в больших тарелках ломти ветчины, призывно сверкало заливное из севрюги, кокетливо подмигивали жульены из грибов, мерцала икра в изящных розетках, а трехэтажные вазы были наполнены фруктами. Фрукты в ноябре! Это можно увидеть только здесь. На фоне пустых прилавков магазинов этот пир выглядел сказочным. Прибыл из другого мира! Впрочем, в политической жизни страны это было вполне привычно. В магазинах пусто, а на столах у партийцев – густо.

Вера ковырнула парочку ломтиков ветчины, но есть не хотелось. Ей хотелось общаться. Она увидела актера Георгия Жженова, с которым была хорошо знакома, и подошла к нему. Увидев Веру, Георгий Степанович принялся ей рассказывать о своем заключении в 38 году, как служил в Магаданском театре, и как случилось ему заболеть пневмонией, и как рыжеволосая лагерная докторша по имени Вера спасла его. Эту историю она слушала уже в сто пятый раз, но каждый раз это было интересно, каждый раз добавлялись новые детали той жуткой лагерной жизни, и Вера слушала с удовольствием. Но в одиночку слушать не получилось – подошли люди, перебивали артиста, стали просить дать им автограф. Вера деликатно отошла в сторону.

Она хотела пробиться к столам, где красовался десерт. Но куда там! Десерты осаждали самые именитые гости – люди, чьи лица не сходили с экранов телевизоров. Ладно, решила Вера. Обойдусь без десертов! Значит, надо продолжать общаться. Она повернулась и увидела кинорежиссера Владимира Аркадьевича Краснопольского, одного из авторов популярнейших советских мыльных опер: «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень».

Разрумянившийся, со сбитым на бок галстуком, он замахал Вере рукой:

– Дорогая Верыванна! Пойдем, я тебя кое с кем познакомлю.

Он подвел ее к столику, где стояло несколько мужчин, и представил одного из них:

– Господин Морис Трувель. Представитель Дома российско-французской дружбы.

Тот, глядя с нескрываемой иронией на Верины черные кружевные митенки, заговорил на французском:

– Je suis tres heureux de vous voir, madame.

– Moi aussi, – не растерялась Вера, бросив мимолетный взгляд на его галстук.

– Галстук может очень много рассказать о мужчине, поэтому она всегда в первую очередь смотрела на галстуки своих собеседников. Галстук ее нового собеседника был одновременно и солидным, и озорным. Необычное сочетание!

– Откуда вы знаете французский? У вас родственники во Франции? – оживился француз, видимо, обрадованный тем, что может с кем-то общаться без переводчика.

– Я изучала французский в университете, – пояснила она с улыбкой. – Хотела быть похожей на жен декабристов.

– Так вы выбрали французский своей профессией? – еще больше оживился он.

– Да. Мне очень нравится французский. Красивый язык.

– Русский язык тоже очень красив, – галантно поклонился француз. – Мне нравится русская литература. Россия и Франция всегда умели красиво сотрудничать в области культуры. Наш Фаберже достиг необычайных высот в вашей стране.

– Ну, вообще-то Фаберже – наш, – улыбнулась Вера чуть снисходительно. – Он в России родился. И происходил он из немцев с французскими корнями.

– Неужели вы знаете про Фаберже? – несколько не смутился господин Трувель.

– Разумеется. Его работы представлены в Оружейной палате. Вы там были?

– Обязательно! Первым делом отправился именно туда. Я, видите ли, занимаюсь ювелирным бизнесом. Поэтому с работами месье Фаберже отлично знаком и в Оружейной палате бывал.

В этот момент к столику подошел еще один мужчина – высокого роста, с усиками. Вера сразу отметила его особую статью. Плечистый, холерный, импозантный.

Господин Трувель представил его Вере:

– Это Бертран Шильон, мозг и душа нашей фабрики. Гордость Франции.

– Моя фамилия правильно произносится Чильонни, – сказал месье Бертран, разглядывая Веру.

– Вы итальянец! – воскликнула она

– Да, именно так, – произнес Бертран. У него был вкрадчивый мягкий баритон. – Но французы называют меня Шильон. Я уже привык!

– Так у вас своя ювелирная фабрика? – деловито уточнила Вера, обращаясь к Морису. – У вас двоих?

– Бертран придумывает дизайн, а я организую производство. Мы украшаем всех женщин Франции.

– Занятие, достойное мужчин, не так ли? – игриво добавил Бертран.

– У вас собственная ювелирная фабрика? – сухо зато уточнила Вера, нарочито отмечая заигрывания ювелирного дизайнера.

Еще два года назад она бы вытаращила на иностранцев глаза: надо же, частный капитал! Но теперь, когда она сама стала руководить хозрасчетным предприятием, ювелирное дело иностранных гостей не потрясло ее, а вызвало профессиональный интерес. Почему бы не создать совместное предприятие? Сейчас это модно. Хотя у населения не так уж много денег, но всегда найдутся модницы, которые захотят купить настоящие французские украшения. Вере нравилась французская мода, изысканная и утонченная. Линия! Самое главное в одежде – линия. Французы умели эту изящную линию провести. И украшения у них тоже отличались изысканностью.

Она принялась засыпать их вопросами: сколько работает человек, есть ли налоговые льготы, из чего складывается предпринимательский доход. Французы отвечали сдержанно: Вера лезла в самую кухню.

– Мадам русская предпринимательница понимает толк в делах, – галантно поклонился Морис.

– Предпринимательница? О нет, пока еще нет, – возразила Вера. – Пока еще только руководитель хозрасчетного предприятия, – она запнулась, как это перевести, но смогла описать. И уточнила на всякий случай: – Пока у нас еще нет частного предпринимательства.

– Ну, это пока. Ваша страна стремительно меняется. Долгожданный ветер перемен! Мы так ждали этого в Европе, – сказал Морис.

А Бертран заинтересовался ее персоной.

– Ваша фамилия Балакирева. Это совпадение?

– Совпадение с чем?

– С композитором, – улыбнулся снисходительно Бертран. – Неужели вы, русская, его не знаете?

– Ну почему же. Композитор Балакирев, основоположник объединения музыкантов «Могучая кучка»... Я не знаю, имеет ли моя семья отношения к нему.

– Как? Вы не знаете? Разве у вас не почитают дворянского звания?

– У нас страна пролетариев и безработных демократов. Дворянским званием не принято кичиться.

Вера произнесла это так весело, что с Бертрانا слетел его снобизм. Он тоже рассмеялся.

– Но вы не пролетарий. Вы новый вид антрепренёров?

– Новый вид, это точно, – со вздохом произнесла Вера.

– И, тем не менее, разве вы не задумывались над своим происхождением? – спросил француз.

– Да у меня самое обычное происхождение.

– Но если вы имеете отношение к композитору Балакиреву, вы для нас особенно ценный экспонат. Мы с Морисом являемся членами общества культурных связей России и Франции.

– Да, мне говорили.

– Нас интересует все, что связано с русской культурой.

Вера немного устыдилась, что пополнила армию Иванов, не помнящих родства.

– Вы мне подкинули хорошую мысль. Никогда не задумывалась о своих корнях. Не до этого было. Но я, пожалуй, этим займусь. Не обещаю, что скоро. Очень много производственных проблем. Бизнес во Франции вести намного легче, чем у нас. Вам и не снилось, с какими проблемами нам приходится сталкиваться каждый день.

Она смотрела на своего нового знакомого и ловила себя на том, что он ей нравится. Ей хотелось удержать его, поговорить с ним еще. Надо обязательно договориться о какой-то совместной деятельности! Цифра восемнадцать досталась ей неслучайно! Совместная деятельность? Да он просто волновал ее, как мужчин. Вера, уймись! Ты замужняя женщина!

Он галантно поцеловал ей руку, и это было необычно. Соотечественники тоже, бывало, целовали руки, но совсем по-другому. Советский мужчина либо стеснялся, либо делал одолжение. Либо нахально изучал выражение лица женщины, словно проверял ее моральную устойчивость. Француз проделывал сию нехитрую процедуру вдохновенно.

– А чем именно, какой культурной сферой занимается ваше общество? – поинтересовалась Вера, придавая голосу как можно больше сухости.

– О, совершенно всем! У нас есть кружок любителей Тургенева и Гоголя.

– Неужели? Чем же сегодняшнему французу интересен Тургенев?

– О, у него такие поэтичные женские образы.

– Это не современно, – деловито произнесла Вера. Бертран явно с ней заигрывал. Ей было приятно, но боязно. Как говорится, и хочется, и колется, и мама не велит.

– Вы хотите сказать, что современные русские женщины другие? Не такие, как их описал господин Тургенев?

– Тургенев описывал барышень, представительниц высших сословий. Сегодня в СССР грани социальных слоев стерты. Все равны.

Вера нарочито говорила так, словно выступала на комсомольском собрании. Нельзя было запускать Бертрана в душу! А он лез в нее через все щели.

– Мне очень нравится его Анна из романа «Отцы и дети». Такая самоотверженная женщина. Разве она не современна? Разве не такие сегодня в Советском Союзе поднимают кооперативное движение?

– Вы хотите сказать, что понимаете нас лучше нас самих? – с вызовом произнесла Вера.

– О нет, понимать вас – это очень сложная задача. Я за такую не берусь. И вообще, зачем понимать женщин? Ими надо просто восхищаться!

Вера вдруг расхохоталась. Однако советская пропаганда хорошо ее натренировала: она настойчиво выискивала идеологического врага в этом молодом элегантном мужчине. Но эпоха идеологических врагов закончилась! Она уловила тонкий аромат мужского одеколона. «Враг» источал очень приятный аромат! Ох, как этот француз был опасен. У него был безупречный галстук с булавкой из благородного опала.

– Эта булавка – это ваше произведение? – осведомилась она.

– Да, разумеется. Наши сапожники с сапогами. Мы сами носим свои украшения. Вам нравится?

– Да, очень красиво. Было бы здорово, если бы мы смогли создать совместное предприятие.

– Вы полагаете, что ваш рынок готов к нашим украшениям? Они не дешевые, – сказал Бертран, и, пожалуй, впервые за весь вечер в этой фразе не было нотки заигрывания.

– Всегда найдутся женщины, которые захотят и смогут это купить. Мы смогли бы обсудить возможное сотрудничество до вашего отъезда?

Вера произнесла эти слова и вдруг поймала себя на том, что назначила Бертрану свидание. Да, она хотела видеть его еще. Просто видеть. А совместное предприятие? Почему нет? Это ведь такой прекрасный повод, чтобы познакомиться поближе.

– Давайте встретимся завтра, – с готовностью отозвался Бертран. – Мы остановились в гостинице «Россия». Западный блок, в десять утра в холле. Идет?

Глава 2. Грустные глаза Богоматери

Но встреча не состоялась. На другой день в офисе Веры произошло ЧП.

Рано утром ее разбудил телефонный звонок. Ранние и поздние звонки всегда предвещают опасность, поэтому, поднимая телефонную трубку, Вера погружалась в тревогу. Так и есть! В служебном помещении наводнение. Трубу прорвало! Одевшись быстрее, чем солдат, она помчалась в сторону Киевского вокзала, на работу. В голове крутились жуткие картины потопа: залило документы, мебель... Икона!

Два дня назад к ней пришло двое пожилых людей, муж и жена. Они принесли икону Богоматери и предложили ей ее купить. Икона была большая, размером с полстола. Люди, ее принесшие, уверяли, что это письмо восемнадцатого века. Они сказали, что икона их личная, семейная реликвия, и никогда они бы с ней не расстались, но нужда заставляет. А почему к Вере Ивановне пришли? Про нее молва хорошая идет, человек она добрый и порядочный. Икону можно продавать только в хорошие руки. Так эти люди сказали.

Вере приятно было слушать эти слова, но вся ситуация была очень неожиданная, странная. Вера не знала, как поступить. Да и денег не было, чтобы антикварные вещи покупать. Она хоть и была руководителем хозрасчетного предприятия, хоть ее предприятие и приносило прибыль, но самой ей от этой прибыли доставалось чуть-чуть. Едва хватало на жизнь, а уж иконы покупать!

Вера, как истинный советский гражданин, была комсомолкой, атеисткой, иконами никогда не интересовалась, в церковь не ходила. Но взгляд Богоматери на иконе ее завораживал. Глаза казались живыми и печальными. Богоматерь нежно прижимала к груди младенца. Ее глаза говорили о том, что она предчувствует печальную судьбу своего ребенка.

У Веры детей не было, и это была ее печаль. Что-то у них с мужем не срасталось. Вроде у нее со здоровьем было все в порядке, никаких признаков бесплодия. А зачатия не происходило. Врачи объясняли, что такое может быть из-за нестыковки характеров. Характеры их точно не состыковывались. Да и жизни в последнее время стыковывались все реже и реже. У каждого была своя комнатка в коммуналках. Они все планировали съехаться, обменять их на одну квартиру, но подходящих вариантов не подворачивалось. Да и заниматься этим оба перестали. Больше того, каждый из них все чаще оставался жить в своей конуре. Вере из своей комнаты было проще добираться до работы. А муж предпочитал свою комнату, потому что в соседнем доме жила его престарелая мать, он за ней ухаживал. Получалось, что каждый жил своей жизнью. Мать категорически не желала ни с кем съезжаться, Веру откровенно недолюбливала и, похоже, была рада, что сын был постоянно возле нее, а не возле жены. Вера какое-то время горевала, а потом привыкла и даже нашла определенные плюсы в раздельном с мужем проживании. При сохранении статуса замужней женщины она была совершенно свободна!

Вера смотрела на икону Богоматери и в ее глазах читала свою печаль. Эта икона бередила ей душу.

– Я не могу забрать у вас эту икону, – объясняла она старикам. Слово «купить» у нее не произносилось. Разве можно покупать иконы? Это как-то иначе надо называть. – У меня нет свободных средств.

– У вас такой известный кооператив, – говорил мужчина, его звали Борис Ефимович. – Почему нет средств? А вы нам по частям отдавайте. Мы согласны. Мы вам доверяем.

Сумму они называли скромную, наверняка икона стоит дороже. И это было бы ценное приобретение, но Вера колебалась.

– У меня не кооператив, а хозрасчетное предприятие, – привычно пояснила она. – Я не распоряжаюсь средствами. Получаю зарплату.

– Может, вы подумаете? – спросила жена Бориса Ефимовича, по-женски уловив колебания Веры. – Икона очень ценная.

– Я не сомневаюсь, – пробормотала Вера.

Старики упростили ее оставить икону на несколько дней, для размышления. Пусть она ее кому-то покажет, посоветуется с руководством. Может, ей деньги выделят. Но отдавать икону они будут только ей! Вера под их интеллигентным натиском согласилась.

Она спрятала неожиданную гостью за шкаф, и с того момента она всем своим существом чувствовала ее присутствие. Вера ощущала ее молчаливый укор за то, что она стала предметом купли-продажи. А еще Вере казалось, что икона просит у нее защиты. Икона словно скорбела из-за того, что люди забыли Бога и стали поклоняться суете. Странные мысли появились в голове у атеистки, с улыбкой подумала Вера. И вдруг ее потрянуло: а не промокла ли икона? Вот уж тогда точно не расплатишься. И с чего это вдруг в ее хорошо отремонтированном помещении случился потоп? Не знак ли это? Знак чего?

К счастью, Вера уже добралась до работы и мучительные размышления прекратились. Она бросилась в свой кабинет. Там всюду орудовала уборщица с тряпкой.

– Вот уж какое светопредставление было, Вера Ивановна! Такой пар был густой! Ужас как страшно! – стрекотала уборщица.

Вера растерянно огляделась. Все, что лежало на полу и на нижних полках стеллажей, промокло. Промокли запасенные полмешка сахарного песка. Сахар предназначался сотрудникам – в качестве премии. Зарплату работникам платили небольшую; о том, чтобы поощрять денежной премией, не могло быть и речи. Но вот сахарный песок ей удалось добыть по случаю, и Вера радовалась, что сможет хоть как-то поощрить своих людей. Увы, не удалось.

Она бросила к иконе – та стояла на перекладине, довольно высоко от пола, поэтому не промокла. Но от пара золотой нимб над головой Богоматери стал угрожающе блестеть, а глаза наполнились еще большей печалью. В них блестели слезы. У Веры внутри все похолодело. Не нужна ей эта икона! Страшно с ней. Куда ее девать? Где ее держать? В крошечной коммуналке?

Она срочно позвонила хозяевам иконы и твердым голосом попросила ее немедленно забрать. Она посулила старикам выхлопотать материальную помощь, чтобы как-то им помочь. Но икона – нет, не готова она к таким приобретениям.

Весь день Вера разгребала результаты потопы. Вычерпывала воду из тех мест, куда она настырно пробралась, разбирала промокшие вещи. Сушила то, что можно было высушить. Выбрасывала то, что нельзя было спасти. К счастью, урон был не велик. Может, как раз Богоматерь спасла ее от большой беды? Может, зря она старикам отказала?

В хлопотах прошел весь день, и только к вечеру она вспомнила про то, что сама же и назначила Бертрану свидание. Вот конфуз-то какой! И что теперь подумают про нее французские знакомые? Подумают, что с русскими нельзя делать никаких дел. О нет, надо было срочно спасать репутацию.

Она схватила телефонный справочник, нашла в нем гостиницу «Россия». Но узнать номер, в котором остановились французские гости, удалось не сразу. Ее отсылали с одного номера на другой, мотыляли от одной службы к другой. По каким-то номерам невозможно было дозвониться, какие-то были бесконечно заняты, а потом вдруг не отвечали. В отеле 6 тысяч номеров! И порой складывалось ощущение, что Веру заставляли пробежаться по ним по всем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.